

ПОСЛЕДНИЙ
ДЕНЬ

Лидия Мельничук

18+

ТЕРРА НОВА:
ЗА ЧЕРТОЙ УРСИДЫ

Лидия Григорьевна Мельнечук

Терра Нова. За чертой Урсиды

Серия «Последний день», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73913477

Терра Нова. За чертой Урсиды / Лидия Мельнечук: АСТ; Москва; 2026

ISBN 978-5-17-174031-3

Аннотация

Считается, что после Гнева Господня северные широты смертельно опасны. Однако сильные мира сего тайком наведываются в далекую Гренландию. Зачем? Что на самом деле хранит ледяной остров? Возможно, последний шанс человечества?

В попытке раскрыть эту тайну трое отчаянных смельчаков отправляются на край света. Однако легендарная черта Урсиды недаром сулит не только надежду, но и гибель. Ведь даже на руинах мира найдутся те, кто предпочтет личную выгоду спасению цивилизации. А самый страшный враг порой таится рядом, притворяясь своим. Что делать, если ты – лишь пешка в чужих планах? Если больше не знаешь, кому доверять?..

На огромном острове вместо снега с небес падают камни, синеглазые олени ведут тайными тропами, а в подземельях ждет загадочный «тот». Именно здесь вершится история – и ее создают не власть имущие, а бывший солдат, девчонка и выродок. Им

предстоит не только схватка за уцелевший источник энергии, но и самая страшная борьба: между сердцем и долгом.

Содержание

Пролог	6
Часть I	8
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	56
Глава 6	69
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Лидия Мельнечук

Терра Нова. За чертой Урсиды

*Здесь проходит край мира. Дальше лед
разбивает любые корабли, даже летом.
Жорж Блон. Великий час океанов*

Издательство
АСТ

© Лидия Григорьевна Мельнечук, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Пролог

Многие боятся смерти. Напрасно. Когда тебя нет, ты не знаешь. И не страдаешь от боли тех, кто дорог. Жить и знать – во сто крат страшнее.

Но самое страшное – даже не это. Самое страшное – обреченность. Тупое бессильное ожидание, когда ты не можешь ни на что повлиять...

Огонь вспыхивает и гаснет, становясь все тусклее. Время летит искрами в темноте.

Дрова в камине потрескивают – отзвуком трусливо забытого хрономера. Сколько миллионов лет минуло? И что происходит сейчас там, за стенами комнаты? Что происходит в сырой бетонной камерке, где пол почернел от крови?

Отблески пламени пляшут на каменной кладке. Камни вместо стекла, тьма вместо света. Все меняется. Нельзя пройти через огонь и не опалить кожу.

И нельзя делать это бесконечно.

Но можно принять решение.

Сделай правильный выбор. Чем скорее, тем лучше.

Щелк. Щелк. Щелк. Огонь отсчитывает мгновения. Я не шевелюсь, застыв, как собственная тень. Где-то глубоко внутри еще теплится, еще пытается вздрагивать что-то – что-то, из-за чего я была готова вскочить, колотить в дверь, умолять, кричать или жрать землю.

Где-то глубоко внутри...

Внутри разливается холод. Ползет и ползет, заполняя все тело, затапливая его, словно в пустую оболочку налили воду и теперь она стремительно застывает. Я вытягиваю пальцы к огню – и удивляюсь, почему они не плавятся. Может быть, просто оболочка стала достаточно прочна.

Мы все получаем то, чего заслужили.

Решение уже принято. Единственно возможное, единственно верное со всех сторон. Что бы ни было дальше, я не могла поступить иначе.

И если мы останемся живы – надеюсь, он меня простит.

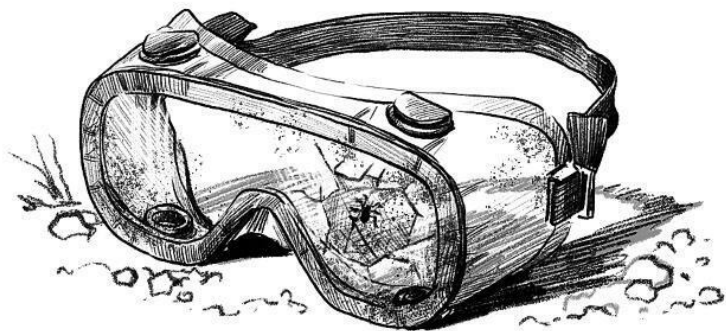
Часть I

Эволюция

*Не бойся, здесь некуда падать.
Край мира, итог и финал.
Не плачь понапрасну, не надо,
Здесь нет ничего, но кто ж знал?*

*Край радуги просто оборван,
Его разделили на ноль,
Мы счастье искали упорно,
Но нам перепала лишь боль.*

*Не бойся, здесь некуда падать.
Мы тут у последней черты,
Последняя будет награда:
Тебе – я, а мне – может – ты.*

Глава 1

Свет маяка

– Земля! Впереди земля!

Резкий окрик вырвал меня из задумчивости. Я встрепенулась, запахивая на груди отвороты парки. *Наконец-то. Если, конечно, дозорный не ошибся.*

За декаду, проведенную в пути, я так и не научилась различать, где за бортом земля, а где – море. Вернее, океан, бесконечный и бесконечно замерзший. Несколько раз мы миновали мелкие островки, и если бы не окрики с носа «Каролины», я бы в жизни не поняла, что в этом безграничном белом море что-то есть.

Но ребята Росса, по всей видимости, знали толк. Наверняка поднаторели в морских путешествиях еще под началом Алвы – об этом говорили уверенные движения, четкие действия и неплохое понимание работы всех систем корабля. Впрочем, уж в чем в чем, а в машинах эти угрюмые «шкафы» должны были разбираться отменно.

Смена начальства никак не повлияла на поведение дюжих молодцов. Несмотря на то что Росс остался в сотнях миль позади на берегу, а Алва сидел в трюме под неусыпным надзором, широкоплечие неразговорчивые парни слаженно и четко выполняли все, что от них требовалось. Иногда мне казалось, что они тоже машины, – как и те железные монстры, которыми эта компания управляла на суше.

Машины или нет, но дело свое они знали не понаслышке. В отличие от Джи, который явно соображал в управлении атомоходом только теоретически. Надо было отдать ему должное – подготовился он хорошо. Наверное, не один год изучал инструкции и руководства, разрабатывая свой план. Еще бы – времени у ему подобных отродий хоть отбавляй.

Я поежилась. За десять дней, проведенных бок о бок с ночной тварью, я так и не смогла побороть гадливую дрожь, пробиравшую всякий раз, когда приходилось с ним сталкиваться. Нет, он ничего лишнего себе не позволял. За исключением подколок и специфической снисходительно-ироничной манеры общения, Джи был даже обаятелен – если, конечно, кому-то по душе бледнолицые мужчины с диким взо-

ром. Но неуловимое чувство опасности, исходившее от него словно слабый, тонкий шлейф аромата, который никак не удается распознать, заставляло напрягаться каждую мышцу, едва в поле зрения мелькал стройный длинноволосый силуэт.

Он обладал удивительной способностью появляться словно из ниоткуда – впрочем, я уже уяснила, что умение двигаться быстрее людей свойственно всем «детям ночи». И это, пожалуй, нервировало больше всего. Потому что я понятия не имела, успею ли спустить крючок вальтера раньше, чем окажусь на полу с перегрызенным горлом.

Особенно теперь – когда левая рука уже не могла реагировать на команды мозга так четко.

Подаренный Джи акум, разумеется, спас ситуацию. И, разумеется, в закромах у этого не-человека было припасено еще немало таких же акумов. Да и зарядить собственные, имея под рукой источник питания в виде атомного реактора, вообще не проблема. Проблема заключалась в другом – в том, что, видимо, мы решили ее слишком поздно.

Шрамы на лице заживали, но я все равно старалась не снимать лишний раз респиратор. Отчасти по привычке – пластиковая «заглушка» оставалась одной из тех немногих вещей, которые напоминали о прежней жизни и при этом не вызывали отвержения. Респиратор, как и заменявшие его куски ткани, был не нужен: воздух в этих широтах оказался не в пример чище, чем та отравляющая атмосфера, которой мне приходилось

дышать до сих пор. Но я упрямо продолжала носить затертую маску. Потому что она создавала тот защитный барьер, который отныне был необходим только мне.

Барьер между мной и взглядами.

На корабле меня так и прозвали – девчонка в наморднике. Я не возражала. «Шкафам», в общем-то, дела до меня не было, и если б не маска, то вряд ли они замечали бы мое присутствие. Готова поклясться, эти квадратные товарищи заключали между собой пари: что же я такое скрываю? Но ни один из них даже не попытался сцапать меня в темном углу и сорвать пресловутый намордник, а то и сотворить чего-нибудь еще. И вряд ли дело было в благородстве их характеров и чистоте побуждений. Просто лохматые чудовища наверняка прекрасно знали: подними кто-то из них на меня руку – и уже через пару часов будет кормить на дне океана рыб, ну или кто там в этом ледяном супе плавает. Потому что даже «шкафам» было бы проблематично что-то противопоставить Джи.

Впрочем, я старалась с ними лишний раз не сталкиваться, дабы не дразнить. В каюте, конечно, безвылазно не сидела, но для прогулок выбирала пустые помещения, где питомцам Росса делать было точно нечего.

«Каролина Квин» оказалась огромной. Я могла часами бродить по ее палубам, трюмам и каютам, ни разу не встретив живого (хотя бы относительно) существа. И это было прекрасно.

Когда-то корабль знавал лучшие времена. Все, что могло быть отвинчено, испорчено или потерто, постигла именно эта печальная участь. Наверное, потому «Каролина» так нравилась мне. Я ощущала какое-то душевное единение с этим громадным металлическим существом. Корабль был точно так же потрепан, как и я, – и точно так же упрямо жил, потому что кто-то, кому это зачем-то было нужно, вновь запустил его сердце.

Я гуляла по коридорам атомохода, заглядывала в отдаленные уголки и, найдя подходящий, подолгу сидела там, устроившись на каком-нибудь полусгнившем настиле или прямо на железе пола. Гасила фонарь и, дождавшись, когда глаза привыкнут к темноте, снимала куртку. По стенам разливалось блеклое голубое свечение индикатора, превращая выбранный мной закуток в призрачные чертоги.

Тесла восстановил не только работу импланта, но и, само собой, индикацию, чтобы я могла отслеживать заряд акума. Пожалуй, это было наиболее легкой задачей. И я отслеживала. Забивалась в угол, словно мелкий трусливый мут, и смотрела, как горит синим пламенем моя вера.

Он выменял акум на необходимость сотрудничать с Джи. Из всех возможных вариантов выбрал самый бессмысленный. Я множество раз прокручивала в голове ту сцену, но так и не смогла понять – зачем. Зачем отдал бесценные данные за, по сути, ничто, ведь после заключения договора с Джи я и так без проблем зарядила бы свои акумы.

Он мог требовать взамен что угодно, да хоть всю «Каролину Квин». Информация, которой владел Тесла, имела огромную ценность для Джи. И то, что мой спутник продал ее так дешево, означало одно из двух: либо он просто сглупил, либо действует добровольно – а значит, согласен с этим отродьем. И я затруднялась сказать, какой вариант мне менее отвратителен.

Из его пояснений я поняла, что башня может передавать энергию на любом расстоянии – если собрать правильную ректенну. Поэтому в том, что мы с каждой минутой все больше удалялись от творения давно почившего гения, не было ровным счетом никакой разницы.

Хотя, признаться честно, меня это волновало куда меньше, чем, например, отсутствие патронов в моем вальтере. Оружие Джи мне любезно вернул, но по его насмешливой улыбке и сухому щелчку спуска стало ясно, что пистолет вряд ли сгодится по прямому назначению.

Конечно, я надеялась найти где-нибудь в закоулках «Каролины Квин» пару обойм – хотя в глубине души готова была поклясться, что приспешники Алвы облазили корабль до последнего дюйма еще несколько лет назад. Но вальтер на всякий случай носила с собой. И порой, оставшись одна, вынимала пустой магазин, снова и снова вспоминая, как нажала на спуск, отправляя последнюю пулю.

В него.

По этой причине или по какой-то другой, но я не могла

больше спокойно смотреть в медовые глаза. Вероятно, в эти секунды память оживляла ту сцену на палубе. Или же я видела в теплом отсвете солнца угрожающий блеск змеиного яда. Или просто не в силах была выносить ответный взгляд, полный вины и сочувствия.

Не сразу я поняла, что неосознанно избегаю его. Мы все еще жили в одной каюте, но только формально. Размеры «Каролины Квин» позволяли хоть каждую ночь спать в новом помещении, чем я и пользовалась. Выбирала подходящее место – не особо грязное и надежно запирающееся – и делала его своим логовом на ближайшие несколько дней. А потом переходила в другое.

Тесла не преследовал меня. Ни о чем не спрашивал, не уговаривал и не просил. Должно быть, понимал, почему мне стало болезненно-тягостно его общество, – понимал лучше, чем я сама, и давал мне время. Столкнувшись со мной в коридоре, спокойно уступал дорогу с легким кивком. Его каюта никогда не запиралась, и порой, проходя мимо, я ловила в щели приоткрытой двери неподвижный силуэт, застывший у койки. Мне хотелось проходить мимо – хотя я могла выбрать тысячу других путей, ведущих в обход этой двери. Но меня тянуло, несмотря ни на что, тянуло смотреть на черный в отблесках лампочки профиль, кажущийся плоским на фоне стены. Мысленно дорисовывать росчерк шрама, чуть хмурые брови, упавшую на висок непослушную прядь. И солнечные глаза, в которые я больше не могла взглянуть.

Смотреть – только чтобы он не видел меня. Быть тенью.

Но совсем невидимой оставаться не получалось. Незримое присутствие Джи мешало чувствовать себя спокойно даже в полумраке. Я давно уяснила, что черноволосый циник отлично видит в темноте, и почти сразу обзавелась привычкой тщательно проверять все углы, прежде чем устроиться на ночлег. Джи, кажется, был в курсе моих нервических предосторожностей, но только посмеивался. Однако я плевать хотела на его мнение. Насмехаться он мог сколько угодно, но обнаружить у своего изголовья это отродье мне ничуть не улыбалось.

Джи я избегала вполне осознанно. Однако вечно так продолжаться не могло, и в один совсем не прекрасный вечер я его встретила.

– Уже составила карту «Каролины Квин»? – с привычной ухмылкой спросил он. – Скоро начнешь водить по кораблю странников, да, Ника?

Я молча сунула руки в карманы.

– Ребятам Росса на пользу пойдет. – Его прозрачные глаза внимательно изучали меня.

– Сами справятся, – буркнула я.

Джи загоразивал узкий коридор, мешая пройти, и разминуться с ним, не коснувшись хотя бы плечами, не представлялось возможным. Ничего противного в нем не было – наоборот, если не знать, кто он. Но я, к сожалению, знала. И видела под этой небрежно распахнутой курткой, под невыноси-

мо-элегантными жестами и раздражающе неуместными манерами его нечеловеческую суть. Которую, впрочем, скрыть было гораздо труднее, чем мои шрамы на лице.

Отступить представлялось мне трусостью, поэтому я молча стояла и ждала, что уйдет он. Но выродок не уходил. Прищурясь, словно в коридоре царил не сумрак, а полуденный зной, Джи бесцеремонно меня разглядывал.

– Ты пригодишься нам, когда доберемся, – наконец сказал он.

– В упор не вижу чем, – грубовато ответила я.

Холодный страх, сопровождавший каждую встречу с этим отродьем, мерзко облепил спину влажным и липким.

– А ты не любопытна, – заметил Джи, уже не улыбаясь. – На этом корабле, кажется, все знают, куда именно и зачем мы идем. Кроме тебя.

– Гренландия – это страна-миф. – Я передернула плечами. – А я в сказки не верю.

– Думаешь, Буксефьорд – тоже миф?

– Почему бы вам не спросить об этом Алву? – Округлое имя невкусно перекатилось на языке, будто галька.

– Я спрашивал, – задумчиво ответил Джи. Постучал пальцами о переборку и непонятно добавил: – По-разному спрашивал... И кровь нашего Волшебника многое рассказала. Но, к сожалению, он за вами слишком долго следил, а даже мои возможности не безграничны. – И, глядя в мое, должно быть, удивленное лицо, усмехнулся: – Я же говорил, что мы

познакомимся ближе.

Так я узнала о способности «детей ночи» считывать информацию из крови. И об ограничении в сто пятьдесят дней – доступном пределе для считывания, за которым память плазмы как сложноорганизованной молекулярной структуры стирается вместе с обновлением кровяных телец. К счастью, Джи успел повернуть этот фокус с Риком... Я поморщилась, вспоминая, как летели за борт тела бывшей команды Волшебника. Как мелькали на их шеях, больше не прикрытых воротниками курток, рваные раны. Казалось, ладони до сих пор помнят мертвый холод коченеющих тел – тот самый холод, с которым не может сравниться даже лютейший мороз, потому что близкая смерть замораживает изнутри, а не снаружи, убивая душу прежде тела, и страшнее этого ничего нет. С того самого дня я, и так избегавшая Джи, стала вовсе держаться от него на расстоянии. Липкий трупный привкус во рту и дрожь отвращения пополам со страхом обуревали меня каждый раз при виде черноволосого монстра.

Он успел попробовать на вкус кровь приспешника Алвы, прежде чем сведения о координатах башни в Инувике канули в лету. Но с самим Волшебником такая штука не прошла.

Алва провел много времени, выслеживая нас, и память о Буксефьорде стерлась. Глядя в холодные глаза Джи, я не сомневалась, что он легко заставил бы Алву преподнести на блюдечке все сведения о Гренландии, реальные и вымышленные. Но он этого не делал. Почему – не знаю. Может быть,

имел на пленника свои планы. А возможно, просто не считал нужным – раз уж мы все равно собирались увидеть страну мифических ледников своими глазами.

По той же причине отродью был нужен и Тесла. «Дитя ночи» не мог просто глотнуть крови моего спутника и заполнить все знания, которыми Тесла владел. А даже если бы это и было возможным, Джи все равно не сумел бы воспользоваться этой информацией. Дар ночных отродий годился там, где нужно было выведать факты, – но знания, требующие понимания предметной области, были для Джи все равно что микроскоп для пещерного человека.

– Видишь ли, Ника, – помолчав, пояснил выродок без привычной издевки, – если ты прочтешь несколько глав из учебника по ядерной физике, это не сделает тебя ученым. Ты всего лишь механически запомнишь набор букв. Так это работает. Увы.

Поэтому ему был нужен Тесла.

Крик дозорного все еще отзывался в ушах, сливаясь с по-свистом ветра. Я обняла себя руками. Колючие злые порывы так и норовили забраться под парку. Дело шло к ночи, и солнце уже скрылось за горизонтом – гораздо раньше в сравнении с более южными широтами. Чем дальше мы плыли,

тем короче становился световой день. Носовые прожекторы ледокола разбивали вечный сумрак мощными лучами, но и те пасовали перед непроглядной тьмой. Как дозорные ухитрялись что-то различать дальше нескольких футов, оставалось загадкой.

– Кажется, наше путешествие близится к концу.

Я не услышала, как он подошел. Порыв ветра, свистнувший в ушах, заглушил щелчок зажигалки, а новый порыв донес аромат табака. Я молча вынула из кармана свою сигарету, он так же молча подкурил от своей. С коротким кивком я забрала из его пальцев тлеющую табачную палочку.

– Для кого-то оно только началось.

Обмен ничего не значащими фразами, как перестрелка одиночными из-за углов, быстро иссяк. Я оглянулась на башенку дозорного, отмеченную в полумраке крохотным сигнальным огоньком.

– Ника, я знаю, что тебе сложно...

– Ничего ты не знаешь! – оборвала я.

Огонек на башне продолжал мерцать. Мерцала и сигарета – маленьким двойником, освещая упрямый подбородок, скошенный шрам и бронзовые в сумраке глаза, в которых застыл расплавленный ледяной закат.

Алая точка отмечала его лицо как единственный ориентир в этой чертовой беспросветности.

– Там был не ты. И после – тоже был не ты.

Он молча склонил голову. Сигарета продолжала тлеть,

вспыхивая.

– Но знаешь что? – Я наконец-то посмотрела ему прямо в лицо – прямо на этот алый огонек-ориентир. – Я бы сделала то же самое, если бы ты попросил.

Сигаретный дым запутался в его ресницах. Он стоял, сжимая одной рукой поручень, за которым разбивались с грохотом льдины, подсвеченные прожекторами. Стоял, будто забыв о холоде и ветре, и просто смотрел на меня. А я продолжала – словно корабль, блуждавший во тьме и вдруг обнаруживший свет маяка:

– Если бы я знала все с самого начала, тебе достаточно было бы просто сказать. Но я не знала. И вот это оказалось самым мучительным – твоё признание позже. Твоё *случайное* признание. Ты не доверял мне. Не доверял настолько, чтобы все рассказать. И знаешь... – Я моргнула, смахивая холодные слезы. – Я бы очень хотела переиграть. Даже не пытку, нет... пусть бы повторилась. Я бы вытерпела ее еще раз – лишь бы не слышать от тебя ничего потом, лишь бы все это стереть. Остаться в неведении. Продолжать глупо и радостно думать, что хотя бы однажды я – я! – оказалась кому-то нужна просто так.

Я швырнула окурок вниз, и его проглотили жадные рты острозубых льдин.

Он молча достал еще одну сигарету. Я сжала ее зубами. Выпрямилась, глядя на него, шурясь под порывами ветра. Огонек его сигареты мерцал совсем рядом. Бледный призрак

заката отбрасывал тусклые росчерки на его лицо, словно дорисовывая новые шрамы. А мне дорисовывать ничего не было нужно.

Я стояла, открытая ему и ветру, и бесстрашно смотрела в глаза – заледеневшие, словно бескрайний золотой океан.

Он наклонился, подкуривая мою сигарету от собственной. Наши лица разделял всего дюйм. От него пахло солью и дымом, он смотрел на мое изуродованное лицо – и в глубине застывшей бронзы блестели искры незримого костра. На губах – таких близких, таких знакомо-горячих – осели крохотные капли морских брызг, наверняка соленые, наверняка...

Я втянула терпкий аромат и отстранилась. Глаза цвета меда на миг затуманились. Приоткрытые губы дрогнули в легкой усмешке.

– Мне кажется, тебя ничто не ломает.

Я согласно наклонила голову:

– Нельзя сломать еще раз то, что уже сломано.

Глава 2

Чертоги Снежной королевы

«Каролина Квин» остановилась. Впервые за много дней огромный атомоход замер, и льдины, надтреснутые мощным стальным носом, глухо скрежетали, притираясь к крутым бокам корабля.

Перед нами лежала суша. Свет прожекторов дотягивался до пологих берегов, вздымающихся из неожиданно черной воды. И я вдруг поняла, что расколотые льдины вокруг простираются, насколько хватает взгляда и мощности лучей. Это не «Каролина» разбила лед – это неизвестные силы, скрытые толщей воды, превратили белый монолит в безобразное крошево.

– Северная полынья. – Внезапное появление рядом Джи, словно чертика из бензобака, каждый раз пугало и злило. – Здесь наверняка проходят теплые течения.

Я красноречиво поежилась в парке. Джи хмыкнул:

– Люди тут жили веками. Никогда не понимал эту тягу к родному адку. Человек не дерево, корнями не вырастает.

Я хотела сказать, что обстановка больше напоминает чертоги Снежной королевы из древних сказок, чем раскаленный ад, но вместо этого фыркнула:

– Да уж, подобные морозильники больше подходят таким, как вы!

Пронзительный взгляд отродья остановился на мне. Показалось, что Джи сейчас меня ударит – но он лишь усмехнулся:

– Многие ваши недостатки касаются и нас.

Ага, подумала я, разглядывая его обнаженные руки под короткими рукавами рубашки. Лучшие всех знает людей тот, кто сам никогда не был человеком.

Джи посерьезнел:

– К тому же если мой план сработает и мы сможем прибрать к рукам Буксефьорд, у вас хотя бы появится выбор. Задыхаться от жары и ядов или жить в чистом воздухе, платя за это только необходимостью носить одежду потеплее, решать вам. Но сейчас у нас есть проблема поважнее, чем холод.

Фиолетовый, изжелта-зеленоватый, бурый – на лице Алвы сливались и перемешивались все оттенки заживающих синяков. Разукрашенное лицо бывшего капитана «Каролины Квин» напоминало жуткую маску, и застывшая невыразительность лишь усиливала сходство. Казалось, повяжи сверху платок, и у того будет больше мимики. Впрочем, на платок хотя бы можно смотреть без содрогания.

Когда Алву вывели на палубу, я обернулась на звук шагов и вздрогнула. Так вот как Джи «по-разному спрашивал»

пленника... Колдун из Буксефьорда больше не возражал и против обыкновения не обещал утопить всех нас в нашей же крови. Он молча шел, сопровождаемый двумя конвоирами из «шкафов» Росса, и прищуренные от ветра глаза оставались единственным, что менялось на его лице.

Джи стоял у борта, где поскрипывала принайтованная шлюпка. Несмотря на то что еще минуту назад мы относительно мирно беседовали, при виде изувеченного лица Алвы мне захотелось сбросить выродка за борт – желательно так, чтобы полет закончился на острой кромке льдины. Я не могла спокойно смотреть на эти синяки. Рассудок твердил, что это не *его* лицо, но поднимающаяся изнутри колючая боль заставляла все тело сжиматься.

Джи бросил на меня быстрый взгляд. И выражение его потемневших глаз мне очень не понравилось – черноволосый садист явно распознал мои мысли. Я плевать хотела, даже если б он узнал о желании превратить его в фарш, но взгляд отродья определенно относился не к этой части моих размышлений.

Однако Джи ничем не выдал своего отношения. Постукивая пальцами по шлюпке, он ждал, пока «шкафы» подведут Алву ближе. И это негромкое «тук-тук», как и его голос, парадоксальным образом заглушало даже плеск волн. Так, как заглушает все негромкий, но отчетливый щелчок взводимого курка.

– Что ж, – глядя Волшебнику в лицо, начал Джи, – эхо-

лот со всей отчетливостью утверждает, что дальше нам двигаться не стоит – если, конечно, мы не желаем пришвартовать нашу дорогую «Каролину Квин» здесь навечно. Поэтому... – Его пальцы скользнули по брезенту, укрывающему шлюпку. – До берега пойдем на веслах. И здесь мне, как ни прискорбно, нужна твоя помощь.

Неуловимым движением «дитя ночи» сместился, оказавшись нос к носу с Алвой. Я вздрогнула, но бывший капитан «Каролины» даже не шевельнулся.

– Тебе придется побыть нашим лоцманом. – Ровный голос Джи доносился сквозь посвисты ветра. – И провести шлюпки мимо камней.

Прищуренные глаза Алвы не мигая смотрели на выродка. Мне вдруг пришло в голову, что за время нашего плавания эти двое много раз вот так стояли друг перед другом, глядя глаза в глаза. И много раз Джи вот так же задавал вопросы. А потом...

– Что, урод, – голос Волшебника скрипел как ржавый гвоздь, – больше не можешь меня прочесть?

Алва усмехнулся. И сплюнул под ноги Джи.

«Дитя ночи» еще мгновение смотрел ему в лицо. Потом отступил – медленно, словно подчеркивая контраст с предыдущим движением. И так же медленно поднял руку...

Я вздрогнула, будто раскрытая ладонь готовилась хлестнуть по щеке меня. Он задавал вопросы. А двойник Теслы не спешил на них отвечать. Я вдруг почувствовала что-то вроде

уважения к этому человеку – каким бы гадом он ни был, его никто не назвал бы трусом.

– Надеюсь, память тебя не подведет. – Ладонь Джи опустилась на брезент. – Потому что ты все равно плывешь с нами.

Под короткие команды выродка люди Росса быстро спустились на воду шлюпки. На «Каролине» их было штук десять, но нам хватило трех – в шестиместных ботиках решили разместить по пять человек. Часть команды оставалась на борту – охранять корабль. На всякий случай.

Спускающие механизмы оглушительно скрипели, пока дюжие молодцы вращали ворот. Стальные канаты, удерживавшие ботики на подвесах, местами истрепались, но сам механизм работал исправно – за ним явно следили.

Джи и Алва заняли первую шлюпку, сопровождаемые тремя «шкафами». Мы с Теслой устроились во второй в таком же сопровождении, замыкающий ботик заполнили угрюмые неразговорчивые парни.

Сиденья местами отсутствовали, но это было неважно – в конце концов, посидеть можно и на полу. Гораздо важнее была целостность бортов и днища. Глядя на ржавый металл в струпьях отслоившейся краски, я то и дело направляла луч

фонаря вниз, ожидая, что подошв вот-вот коснется ледяная вода. Но ботик держал.

Стыковочные замки один за другим щелкнули, и шлюпки окончательно отпочковались от ледокола. Его массивный бок вздымался по левому борту, как гора.

«Шкафы» вставили весла в уключины. Ботик качнулся, и я торопливо присела, чтобы при первом же рывке шлюпки не вылететь вон. Огрызок скамьи, торчащий из металлического крепления, был явно маловат для меня, но я кое-как уместилась на нем. Неровный край больно врезался в бедро даже сквозь парку.

Шлюпки кривоватым строем двинулись прочь от «Каролины Квин». Сидящий на носу матрос освещал путь большим фонарем – желтые блики метались по свинцовой воде. Луч света стелился вперед метров на десять. Я могла разглядеть затылки «шкафов» во впереди идущем ботике, спутанные пшеничные волосы Алвы и холено-гладкую черноту шевелюры Джи. Его волосы напоминали крылья воронов – тех, что в пустоши играючи уничтожили зверей, собиравшихся убить нас.

Я сидела на корме, и свет от последней шлюпки, огибая меня, рассеивался на фигурах матросов. Тесла занял место сразу за фонарщиком – нас разделяли двое гребцов. Луч фонаря блестел на потрепанной парке. Он сидел вполоборота, и свет падал на его лицо, вырисовывая, словно углем, четкие черты. Тесла смотрел вперед, не оборачиваясь, но почему-то

я была уверена, что темно-янтарные глаза видят меня не хуже, чем если бы мы стояли лицом к лицу.

Я отвернулась и уставилась за борт, туда, где плескались чернильные волны. Под нами явно лежал не один фут глубины – вода казалась непроглядной. Кое-где в ней мелькали крошечные льдинки: видимо, теплого течения было недостаточно, чтобы окончательно растопить лед. Так же, как было недостаточно одного теплого объятия...

– Камни справа по борту!

Окрик с передней шлюпки заставил вздрогнуть. Я посмотрела направо – среди графитовых всплесков действительно заблестели гладкие верхушки валунов, отполированных волнами. Гребцы усиленно заработали веслами, и ботик ушел левее, огибая каменную россыпь.

Берега не было видно. Я оглянулась – «Каролина Квин» слилась с чернильным небом, выключив прожекторы, и лишь несколько сигнальных огоньков отмечали присутствие железного гиганта. Шлюпки двигались в невесомой темноте, будто плывя сквозь космическое пространство.

Я следила за бликом, играющим на холодных волнах. Мелькание желтого пятна завораживало – словно в древних мертвенных водах вдруг впервые появилось нечто теплое и живое. Я задумалась о том, есть ли хоть какая-то жизнь в этих мрачных глубинах. Обитал ли кто-то на берегах неведомой Гренландии до того, как сюда добрались люди – единственные существа, которые, кажется, способны населить

любой, даже самый недружелюбный край.

– Еще камни!

Ботик дернулся – матросы бросились к правому борту, пытаясь направить шлюпку влево. В воздухе повисла отборная брань. Я ухватилась за скамейку, глядя, как вырастают из мрака впереди мокрые шапки валунов.

– И слева!

Стена каменных грибов выросла по левому борту – так же неожиданно, как появились камни справа. Ботик на полном ходу несся прямо на эти причудливые изваяния. Гребцы вцепились в весла, но успели только развернуть шлюпку боком.

Металл чиркнул по камню. Меня швырнуло на дно и тут же отбросило обратно, когда нос ботика врезался в валун. Огрызок скамейки толкнул в спину, в позвоночнике хрустнуло, и новый удар опрокинул меня за борт.

– Вперед!

Вода обожгла. Все тело словно ошпарили кипятком – и лишь спустя долгую звенящую секунду я поняла, что это не огонь.

Холод.

– Выравнивайте! Не останавливаться!

Намокшая парка тянула ко дну. Я взмахнула руками, отчаянно пытаясь ухватиться за воду, за эту чернильную взвесь, но она расходилась под пальцами, сочилась сквозь них, хватала за ноги... Свинцовые волны били в камень, расшвыривая белесую пену. Ладони бессильно скользнули по

валуну.

– Стой!..

Желтый блик фонаря метнулся по камню, и следом за окриком до слуха донесся всплеск.

Золотая от света вода мешалась с черной. Я молотила ее онемевшими от холода руками, но золото обращалось обманкой, а тьма – пустотой. Волна швырнула меня, словно игрушку, прочь от валуна, и я захлебнулась соленой влагой – но, прежде чем легкие заполнило, перед глазами блеснул потемневший янтарь, и ладонь натолкнулась на невозможно горячее в этом ледяном месиве, на горячее с ощущением истрепанности ткани и надежности гранита... И сквозь звон, грохот и шум я услышала окрик Джи:

– Разворачивайся!

Глава 3

Бунт на корабле

– Ублюдок.

Наверное, если бы на лице Алвы еще оставалось свободное от синяков место, сейчас было бы самое время заполнить этот пробел. У меня кулаки так и сжимались, хотя ледяная дрожь колотила настолько сильно, что я сомневалась в своей способности попасть в цель.

А еще – в том, что в последний момент моя рука не остановится.

Джи, кажется, не терзался подобными сомнениями. Стоя перед Алвой в одной рубашке – куртку он пожертвовал мне, – «дитя ночи» с холодным спокойствием бросал капитану «Каролины» в лицо не менее холодные слова:

– Ты все знал.

После того как Тесла вытащил меня на поверхность, а нас с ним, в свою очередь, подобрали гребцы из второй шлюпки, стало очевидно: плавание обернулось смертельно опасным предприятием. Последний ботик тоже налетел на камни, столкнувшись с еще одной грядой в попытках уйти от предыдущей. Четверо из пяти матросов погибли. Когда наша шлюпка добралась до перевернувшегося суденышка, в ледяной воде барахтался лишь один гребец. Головной ботик, управляемый Джи, безжалостно швыряло из стороны в сто-

рону – в пространстве между нагромождениями камней ярились волны. Кое-как матросы сумели развернуть шлюпки, и оба уцелевших ботика выбрались из каменной ловушки... чтобы через минуту угодить в следующую.

Порыв ветра заставил содрогнуться всем телом. Воздух был колючим и сухим от мороза, но вымокшая насквозь одежда и не думала высыхать. Я тряслась в куртке Джи, наброшенной на плечи поверх промороженной парки, и дышала на руки, чувствуя, как изо рта вместо тепла вырывается знобливый холод.

В памяти остались лишь бесконечные толчки и сковывающий тело страх пополам с морозом. Целую вечность шлюпку бросало между островами скал. Я лежала на дне, прижавшись к сырому железу, а над моей головой плескалось небо. Волны хлестали через борт, обдавая солеными брызгами, вода глухо била в борта, взметывая то нос ботика, то корму, – и каждый раз, когда суденышко содрогалось от очередного толчка, я зажмуривалась все крепче, ожидая услышать скрежет пробитого камнем металла.

Но ботик устоял. Вместе с головной шлюпкой наша лодка миновала опасную зону и пристала к берегу, прошуршав днищем по гальке. Вздروгнув в последний раз, суденышко замерло – а я наконец-то решила поднять голову...

Потом были жуткие минуты всепоглощающего холода, кусавшего так, словно меня рвала на части стая обезумевших собак. Едва страх отступил и адреналин перестал будора-

жить кровь, тело разом окоченело. Я тряслась в мерзлой одежде. Зубы стучали так, что я не могла выговорить ни слова и всерьез опасалась их раздробить. Волосы слиплись в сосульки, а внутрь будто налили жидкого льда.

Джи мельком взглянул на меня, сбросил куртку и походя подал мне. С третьей попытки удалось накинуть шмотку на плечи. Промозглый ветер тут же выстудил ее, но я готова была поклясться: когда Джи передавал мне куртку, она была теплой. Впрочем, возможно, лишь потому, что мои собственные руки по температуре сравнялись со снегом вокруг.

Но, хотя я сама себе казалась ледяной статуей, где-то внутри еще сохранялся источник тепла. Сердце лениво гнало загустевшую кровь по сосудам, и мало-помалу под курткой стало пригревать. Дрожь не унялась, но притихла. А я наконец-то смогла обратить внимание на происходящее вокруг.

Шлюпки у берега зарылись носами в мелкую черную гальку. Уцелевшие гребцы швартовали ботики к куче камней, сваленных грудой. Джи распорядился. Алва, стоя поодаль, наблюдал. В его прищуренных янтарных глазах копилась тьма.

Тесла вместе с матросами собирал камни. На нем была та же одежда, в которой он нырял за мной – руки еще помнили прикосновение шершавой ткани, – но, видимо, усердная работа согревала. Я ежилась в ворохе вещей, однако не могла заставить себя подойти и тоже начать помогать.

Как только шлюпки оказались надежно привязаны, матросы по знаку Джи окружили Алву. Тот, впрочем, и не собирался никуда бежать. Видимо, понимал: рывнишь он, и вооруженные «шкафы» наделают в нем дырок раньше, чем успеет моргнуть.

– Ты повел нас на камни специально.

На лице Джи не читалось никаких эмоций. Руки он держал в карманах брюк, но я почему-то была уверена – Алва не успеет и вздрогнуть, как черноволосый выродок ломает ему нос.

Двойник усмехнулся:

– Ты сам настоял на том, чтобы взять меня с собой.

Кое-кто из гребцов ухмыльнулся. Не знаю почему, но эта ухмылка мне не понравилась – мелькнуло в ней что-то злое. Но додумать мысль я не успела.

– Свяжите ему руки, и пошли.

Короткая команда прозвучала и рассеялась в стылом воздухе. Ни один из матросов не сдвинулся.

Джи, уже шагнувший в сторону, обернулся. Черные волосы хлестнули лицо.

– Проблемы со слухом?

В ответ раздался короткий щелчок. Один, потом второй... Такие знакомые звуки, почти, впрочем, забытые за время плавания на «Каролине». И, поворачиваясь к матросам, я уже знала, что увижу.

Семь стволов глядели в грудь Джи.

– Видишь ли... – Алва пожал плечами. – Я пообещал им кое-что, чего ты, нелюдь, никогда не сможешь дать.

Джи медленно кивнул, словно ожидал чего-то подобного. Так, будто снова совершил ту же самую досадную ошибку.

– Держите его под прицелом. – Алва потер запястья и повернулся к нам. – Вы двое – давайте-ка ближе. Я бы, конечно, хотел сказать, что это мутово отродье не кусается. Но, увы, не могу.

Под молчаливым взглядом черных пистолетных зрачков мы с Теслой сдвинулись ближе к Джи. Наши плечи едва не соприкасалась. Я вдохнула запах соли – с новой, непривычной еще морской нотой; вдохнула ржавую влагу и неожиданное тепло, такое странное здесь и после всего, что случилось.

– Жаль, что ты не бросил эту сучку на корм местным рыбам. – Взгляд Алвы мазнул по мне и уперся в лицо Теслы. – Она стояла мне четверых из *моей* новой команды.

– Ты сам направил лодки на камни. Думал, обойдется без жертв?

– Ну, если что, мои ребята за меня горой. Так ведь, парни? Алва подмигнул матросам.

– Это не твоя команда, – холодно заметил Джи.

– Да ну?! – показательно удивился двойник. – А вот они так не думают. Впрочем... – Все так же рисуясь, Алва прикусил губу. – Откуда же мне знать, что они думают, правда?

Хозяин «Каролины Квин» шагнул навстречу Джи. Синяки на его скулах в свете фонаря казались трупными пятнами.

– Я ведь не какая-то мразь, что глотает чужую кровь, да? – тихо, но отчетливо проговорил Алва. – И ты думаешь, мои ребята мечтали бы ходить под началом отродья?

Пистолет, неизвестно как оказавшийся в руке двойника, смотрел Джи в лицо.

– Я все про тебя знаю, – так же негромко продолжал Алва. – Считаешь, только ты изучал меня все эти дни? – Усмешка искривила его губы. – Я в курсе, что ты мог бы разорвать меня голыми руками. Меня и всех моих ребят. Восемь человек для тебя – ничто. Но, к счастью, к этим восьми человекам прилагаются еще восемь стволов. А даже твоя голова не выдержит две унции свинца. – Двойник вытянул свободную руку. – Оружие!

Спрингфилд лег в протянутую ладонь. Алва принял его почти бережно, качнул, словно взвешивая. Пальцы обхватили прорезиненную рукоять. Двойник опустил свой пистолет. Шагнул назад, отворачиваясь, – и вдруг резко обернулся, вдавливая спусковой крючок Спрингфилда.

В холодном воздухе оглушительно грохнул выстрел. Джи пошатнулся – молча, беззвучно. На его ноге, чуть выше колена, расплывалось алое пятно.

– А вот теперь, – улыбнулся Алва, – пошли.

Шли мы недолго. Позже, вспоминая наш путь, я удивлялась, что не заметила огней Буксефьорда, – ведь нас от него отделяло буквально полчаса ходьбы, то есть вряд ли больше полутора миль. Впрочем, из-за Джи мы шли медленнее, чем могли бы. Пуля Алвы задела его бедро по касательной, но он все равно заметно хромал. Тесла поддерживал выродка, а я плелась следом, глядя в их спины.

Сам Волшебник вышагивал в авангарде, сопровождаемый одним из охранников – теперь уже именно охранников, а не надсмотрщиков. «Шкаф» Росса держал наготове пистолет – тот, что несколькими минутами назад был в руке Алвы. Двойник все так же покачивал отобранным у Джи Спрингфилдом.

Еще два матроса-охранника конвоировали Джи и Теслу, один маячил у меня за спиной – я то и дело оглядывалась, чувствуя затылком его колющий взгляд. Почему-то он напоминал мне взгляды огнеязычников, и я, как ни силилась, не могла перестать оборачиваться. Казалось, его это злит, но мне было плевать.

Стрелка хрономера описала полукруг, когда маячившая перед нами цепочка огней наконец развернулась в полную силу. Огни уходили вправо и влево, насколько хватало глаз, исчезая в завесе вновь начавшегося снега. Чем ближе мы подходили, тем лучше я различала отдельные фонари, установленные на массивных каменных опорах в два человеческих роста высотой. Между столбами-опорами густой пау-

тиной протягивались тонкие блестящие тросы – снег, падая на них, обращался мелкими каплями. Где-то за столбами, в снежной пелене, висели рыжеватые искусственные солнца прожекторов.

Ничего похожего на ворота я не увидела. Просто в какой-то момент, когда до столбов оставались считанные шаги, сбоку вынырнул снегоход. Заложил вираж, ослепив на миг фарами, и замер, наставив на нас желтый глаз.

– Давно пора, – проворчал Алва.

Со снегохода соскочили двое – в меховых куртках и уже знакомых тюрбанах из шкур какого-то животного с короткой и даже на вид жесткой шерстью. Застыли на мгновение, растерянно глядя попеременно то на Алву, то на Теслу. Стволы автоматов в руках еле заметно подрагивали.

– Чего уставились?! – рявкнул Алва. – Запускайте!

– Так точно!

Один из охранников что-то скороговоркой прочастил в закрепленную у плеча рацию. В ответ раздалось неразборчивое шипение. А еще через секунду паутина тросов между двумя опорами напротив нас опала в снег, провиснув до самой земли. Охранник подогнал снегоход к столбу, ловко снял с сиденья какой-то черный рулон. Развернул – между столбами упало толстое полотно, накрыв поблескивающие сквозь снег канаты.

– Прошу. – Двойник первым ступил на полотно, задержался на середине. Ковырнул носком сапога матовый чер-

ный «ковер». – Дорожка не красная, но сходить с нее не советую. Это у вас там человечину небось жрут, причмокивая, а здесь мне придется ваши поджаренные трупы попросту выбросить. Ни тебе пышных похорон, ни прощания. Будет грустно – потому что вы мне еще живыми нужны.

С этими словами он двинулся на территорию базы. Подталкиваемые молчаливыми взглядами охранников, мы последовали за ним.

Развернутое полотно оказалось куском толстой резины. Ботинки оставляли на ней скользкие влажные отпечатки и ровные квадратики прессованного снега, выпадающие из рельефа подошв.

Тросы, отходившие к соседним опорам, оставались натянутыми. Они блестели хищным металлом в отблесках фонарей, и я заметила, как вздрогнул Тесла, проходя между столбами. Мне вдруг захотелось протянуть руку – мимо охранников, мимо всех этих дурацких мокрых от снега стволов, будь они хоть тысячу раз смертоносными, – и коснуться его. Успокоить. Оградить. Закрыть собой от проклятых канатов, как он когда-то, не думая и ничего не просчитывая, закрывал меня – от мутов, от зверей и от солнца, от угроз живых и неживущих, от всего, что могло разлучить... Но он не учел, что нужно было спасать нас от нас же.

Порыв накрыл и схлынул, будто ветер.

Мы прошли через импровизированные ворота, и тросы за нами снова натянулись. Охранники на снегоходе убрались,

прихватив резиновый ковер, растворились в снежной полумгле. Но им на смену явилась новая пара – все в тех же тюрбанах и с теми же автоматами. И с такими же изумленными взглядами, устремленными на близнецов, но не братьев.

– Добро пожаловать в Буксефьорд. – Алва повернулся к нам и широко повел рукой, охватывая этим жестом всю обширную территорию базы. – Строго говоря, Буксефьорд – это название заливчика, в котором мы так удобно пришвартовались. И еще кое-чего, – его глаза сузились, – о чем вам пока знать не следует.

Несмотря на синяки, до сих пор не сошедшие с лица, весь вид Волшебника излучал былую уверенность. Алва снова стал королем – и вряд ли это сулило нам что-то хорошее.

Он взял у одного из охранников рацию и отошел на несколько шагов, что-то отрывисто командуя в микрофон. Люди Росса тоже отделились, словно чувствуя себя неловко. Мы остались втроем – я, Джи и Тесла – на небольшом утоптанном пятачке в сумрачном отсвете прожекторов.

«Дитя ночи» передернул плечами. Охрана Алвы стояла поодаль. В снежной завесе трудно было различить стволы нацеленных на нас автоматов, но вот ощущались они прекрасно.

– Периметральная сигнализация требует до черта энергии. – Джи сплюнул в снег. – Алва намекнул на что-то, о чем нам не следует знать. Пока. Думаю, это как раз его источник электричества. Раньше здесь работала гидроэлектростанция.

Если Алва сумел ее восстановить, то неудивительно, что он ведет себя как владычица морская.

– Он мог. – Тесла согласно наклонил голову. Влажные от снега волосы упали на его лицо, на миг скрыв. – Если обрудование уцелело, остальное – вопрос времени.

– А климат здесь, несмотря на прохладу, помягче, чем в ваших чудесных широтах, – добавил Джи, – по крайней мере, кислота с небес не льется. И если бы не наш дорогой Колдун, мы бы об этом не знали. А даже зная, вряд ли б добрались. Так что мы в любом случае в плюсе. Ну а ГЭС может стать чудным бонусом.

Я покосилась на него, избегая смотреть прямо в лицо. Бокковым зрением я уже успела заметить, что его глаза застилает непроглядная чернота – верный признак паршивого самочувствия. Я плохо разбиралась в физиологии «детей ночи» и не горела желанием знать подробности, но уяснила одно: когда глаза отродья, как зимнее небо к вечеру, сменяют цвет с льдисто-голубоватого на черный, стоит держаться подальше. Его виду нужна была кровь. Об этом Джи рассказал мне сам, спокойно и бесстрастно, будто обсуждал рецепт к обеду. Впрочем, в какой-то мере так оно и было.

Джи выглядел хреново. И без того бледная, кожа совсем побелела и напоминала бумагу. Светло-коричневые брюки были перепачканы ржавой кровью. Он держался прямо, но по сжатым губам и выступившим скулам было ясно, что это дается ему нелегко. И его тон, чуть насмешливее и язвитель-

нее обычного, уже знакомо маскировал боль – будто колючие иглы, терзавшие тело, воплощались в слова.

– Что Алва пообещал им? – негромко спросила я, косясь на зыбкие фигуры нашей бывшей команды.

– Да то же, что и всегда. – Джи поморщился. – Не удивлюсь, если он купил их за чашку кофе и теплую постель. Люди не меняются – вам всегда нужно одно.

Это «вам» прозвучало настолько по-снобски, что мне захотелось одолжить у Алвы пистолет и прострелить отродью вторую ногу. Я стиснула зубы и процедила:

– Ребята годами жили под началом Росса. Терпели холод, голод, рисковали собой, и...

– Вот-вот. – Отродье покивал. – А вода, как известно, камень точит, и любому терпению приходит конец. Скажешь, ты бы отказалась от мягкой кровати?

Я бросила быстрый взгляд на Теслу – он не участвовал в нашей перепалке, – и Джи, кажется, истолковал этот жест по-своему.

– Росс хороший командир. Но у него, к сожалению, нет уютненькой облагороженной базы. Так что Алва прав. – В голосе Джи проскользнула мрачная насмешка. – Он способен дать этим людям то, чего не можем мы. А я опять облажался. – Выродок с досадой тряхнул головой. – Все время забываю об этой вашей особенности. У вас другие приоритеты, простые и сиюминутные. Вы слишком хрупкие – но порой преподнесите сюрпризы даже мне.

– Кто такой этот Росс? И почему...

– Ш-ш! – шикнул Джи. – Не сейчас.

Я притихла, но ничего не услышала. Беззвучно падал снег. И лишь спустя несколько долгих секунд ухо различило поскрипывающие шаги.

Из белой пелены вынырнул Алва. Я покосилась на Джи, скрестившего на груди руки. Он явно расслышал приближение двойника раньше нас. Это стоило учесть.

– Не замерзли? – прищурясь, поинтересовался Алва.

По его губам змеилась усмешка. Джи щелчком пальца стряхнул с плеча снег, в упор глядя на Волшебника. Его черная рубашка побелела, волосы словно тоже подернулись сединой, а на лице читалось отчетливое желание свернуть Алве шею.

Двойник ухмыльнулся:

– Гостеприимный хозяин из меня так себе. Впрочем, гости из вас еще хуже.

За его спиной выросли силуэты охранников.

– Этих двоих – под замок. – Взгляд глаз, холодных, как северное солнце, сверлил Джи. – Уж извините, ребятки, придется вас разлучить.

На моем запястье сомкнулись жесткие пальцы. Я механически дернулась, но в спину уткнулся ствол.

– Пошла! – прогундосил охранник, подталкивая меня куда-то в снежную пелену.

Еще один вооруженный амбал конвоировал Теслу. Я огля-

нулась – и успела увидеть, как в белой кисее растворяется фигура Джи. Он усмехался.

Глава 4

Щедрость Волшебника

Густо падающий снег мешал хоть что-то рассмотреть, хотя я очень старалась. Амбалы не отставали ни на шаг, держа свои короткоствольные MP5 так, словно они были приклеены к нашим спинам. Крупные хлопья падали настолько плотно, что здание базы я разглядела, лишь буквально упершись в него носом. Приземистое, но с какими-то надстройками, отделанное камнем, с блестящими металлическими выступами. Стены тянулись в обе стороны от нешироких железных дверей.

– Открывай! – бросил в рацию амбал.

В ответ прошипело, и створки распахнулись. Я повернула голову, пытаясь разглядеть хотя бы размеры базы, и тут же схлопотала тычок в спину.

– Будешь вертеться, тебя внутрь внесут, – пообещал охранник, – и, может, даже вперед ногами.

Холодные пальцы опять стиснули мою руку. Я мысленно пожелала не в меру ретивому амбалу подавиться мутовой костью, но крутиться перестала.

Внутри было тепло и неожиданно презентабельно. Меньше всего это место походило на укрепленную базу. Нас вели одинаковыми узкими коридорами с аккуратной отделкой из белого пластика и темного кирпича. Вмонтированные в по-

толок лампы расплескивали безжизненный свет. Мы миновали множество закрытых дверей без опознавательных знаков, несколько раз свернули, из чего я заключила, что база достаточно обширна. Ни один человек по пути нам не встретился – мы просто шли и шли, и наши шаги растворялись в странной тишине коридоров.

Наконец за очередным поворотом прозвучало: «Стоп».

Двое охранников молча втокнули нас в дверь, распахнутую секундой назад, и также безмолвно исчезли. Щелкнул снаружи замок.

Потирая запястья, еще ноющие после стальной хватки, я огляделась.

Комната была небольшой, но, против всех ожиданий, – уютной. Посередине стоял внушительных размеров диван, перед которым распростерлась пушистая изжелта-белая шкура. Диван был развернут к камину, где слабо мерцал огонь. В комнате легко пахло дымом.

– Вот тебе и чертоги Снежной королевы... – пробормотала я, застыв у порога.

Ступить ботинком на мягкую подстилку казалось кощунством. Наверное, я была готова к чему угодно – пустой комнате, бетонной камере или даже сырым застенкам, – но не к такому. Предположить, что Алва после всех издевательств поселит нас в номере, больше всего напоминающем апартаменты люкс из старинных журналов, я точно не могла.

У двери пристроился узкий гардероб, рядом с ним – ма-

ленький столик-тумба. Противоположную стену целиком занимало панорамное окно в пол. За толстым стеклом падал снег.

Преодолев неприятную робость, я пересекла комнату. Постучала костяшками по прозрачному плексигласу:

– Бронированное.

По ту сторону окна уже намело небольшой сугроб, скрывший нижнюю часть рамы.

Тесла кивнул – я уловила его движение боковым зрением, поворачиваясь обратно. С момента, когда мы ступили на территорию Алвы, он произнес едва ли несколько слов.

Я бросила сумку на диван. Комнату, кроме камина, освещал лишь неяркий торшер, и потому я не сразу увидела неприметную дверцу в углу, почти слившуюся по цвету со стенами. За дверцей обнаружился санузел – с крошечной ванной, уместиться в которой можно было разве что сидя, унитазом и раковиной. В зеркальце отразилось мое утомленное лицо.

База продолжала удивлять. Впрочем, скорее не база, а Алва. Странно, что нас определили сюда, а не швырнули в какое-нибудь промозглое подземелье. Хотя, возможно, исключительно потому, что подземелий во владениях Алвы не водилось – сложновато рыть подвалы в вечной мерзлоте. Или потому, что Волшебник расщедрился не просто так.

Алва не знает координат второй башни. Рик не успел ему их назвать – иначе двойник не бесновался бы так на ледо-

коле. Зато волей-неволей Рик выдал позицию Уорденклиффа-два выродку – а тот сообщил нам.

И теперь мы трое – единственные, кто точно знает, где вторая башня, и в курсе о наличии третьей. А значит, рано или поздно Волшебник захочет эту информацию получить.

подавив желание плюнуть в отражение или хотя бы в мойку, я повернула кран. Вода была тепловатой и почему-то отдавала серой, но я заставила себя тщательно вымыть руки. По привычке плеснула в лицо, утерлась рукавом – полотенцами тут никто не озаботился.

Возвращаясь в комнату, я хмыкнула про себя. Стоило получить чуть больше ожидаемого – и вот уже мне и тряпки подавай. Да и чистое белье бы не помешало.

Придверный гардероб оказался пустым. Я повесила на нашедшийся внутри крючок свою парку и открыла ящик тумбочки. Присвистнула.

В ящичке ровной стопкой были сложены полотенца.

Тесла, стоявший у окна, обернулся на мой смех. Я и сама вздрогнула – так непривычен оказался для меня этот звук. Кажется, я не смеялась куда дольше, чем он не говорил.

– Тут есть полотенца. – Я поворошила стопку. – И постельное белье. Диван один, так что...

– Прекрасно.

Голос Теслы прозвучал хрипловато, будто надтреснутый. Мой спутник не уточнил, что именно показалось ему прекрасным. Просто подошел, взял из ящичка полотенце и

скрылся в ванной, оставив после себя запах соли и холода.

Зашумела вода.

Я села на шкуру и прислонилась к дивану, бездумно глядя в догорающие угли. Сбоку от камина обнаружилась полупустая поленница. Я бросила в огонь кусок высушенной дровяшки, наблюдая, как вяло разгорается пламя.

А ведь он спас меня. Снова. Бросился в ледяную воду, когда шлюпка перевернулась, – не размышляя, не рассчитывая, не загадывая. Просто нырнул, потому что там была я. Невзирая на то, что случилось до этого, на все разногласия, на многочисленные ссоры. Несмотря ни на что.

Хотя бы однажды я оказалась кому-то нужна просто так.

От шкуры едва уловимо пахло зверем. Я перебирала пальцами жестковатую шерсть, гадая, чьей она была при жизни. Вода в ванной продолжала шуметь.

Набравший силу огонь заметно прогрел комнату. Я сбросила ветровку и куртку, оставшись в одной блузке. Проклятая шмотка за минувшие декады надоела до чертиков. Достав из тумбочки простыню, я задумчиво оглядела ее. Пожалуй, из этого можно соорудить что-нибудь на замену. Потом.

Простыня скомканной грудой полетела на диван, а я вернулась на шкуру. Было что-то странно приятное в том, чтобы сидеть, глядя на огонь и ловя краем глаза кружение снежинок по ту сторону бронированного стекла. Невольно вспом-

нились долгие ночи в пустошах – ночи, когда мы шли к Ину-вику, и тот вечер, ознаменованный впервые увиденным снегом...

Сейчас кружила такая же пушистая метель. Я взглянула на плащ Теслы, брошенный на подлокотник дивана, словно ожидая увидеть на обшлагах рукавов хрупкие неповторимые снежинки. Но вместо них нашла лишь темные пятна.

Снег был тем же. Вот только мы уже стали другими.

Хлопнула за спиной дверь, донося запахи горячего пара и мыла. Тесла в одних брюках прошел мимо меня к окну. Остановился у плексигласового листа, всматриваясь в снежную пелену. На стекле появился белесый след от его дыхания.

Я отвернулась, глядя в огонь.

Рыжие язычки плясали на обугленной древесине. Яркое на темном, живое на уже умершем. Пальцы сами потянулись к рукаву блузки, ноготь ковырнул заглушку на предплечье. Невольно вспомнилась дурацкая присказка, ходящая среди проводников и разведчиков: «Я не весь железный». Я передернула плечами. Не обязательно оказаться целиком сделанным из металла, чтобы перестать быть живым.

Еще пара деревяшек присоединилась к своей умирающей сестре. Краем глаза я видела Теслу, его силуэт на фоне морозного окна. Стекло по низу покрывалось серебристым узором: снаружи холодало.

Я подтянула колени к груди и уткнулась в них подбород-

ком. Огонь завораживал. Бесконечное мелькание пламенных язычков, оживающих на секунду и тут же пропадающих в никуда. Как мотыльки над лампочкой – вот только мотыльков уже давно нет. Живое исчезло, уступив место стеклу и железу.

Силуэт сдвинулся, пропадая из моего поля зрения. Через секунду Тесла опустился рядом. Вместо соли – душистое мыло, вместо холода – тепло. Я наклонила голову ниже. Отросшие волосы, ничем не прихваченные, свисая, закрывали лицо. В просветы между прядями я ловила фигуру моего спутника – теперь уже краем другого глаза. Говорить не хотелось. Не хотелось ничего – меня словно закутали в такую же шкуру, как та, на которой я сидела, завернули и превратили в чучело, в жалкое подобие себя. Уроdlивое чучело, сшитое кое-как, стежками наружу – безжалостный мастер не потруdlился спрятать швы, и получилась плохая кукла. А куклы не говорят. Они лишь улыбаются – всегда, что бы с ними ни делали.

А я и этого уже не могла.

– От окна дует.

Кажется, молчание тяготило не только меня. Я ждала, что он что-нибудь скажет, но все равно вздрогнула – даже не от звука его голоса, а от интонации, почти уже забытой, как оказалось.

– Здесь намного теплее, да.

Нелепые фразы. Даже в нашу первую встречу диалог был осмысленнее, хотя тогда мы не знали друг друга, не знали

ничего, но все равно говорили. А вот узнали – и говорить стало не о чем.

Наверное, слишком много появилось между нами того, что трудно выразить словами.

– Не просто же так тут камин.

Я продолжала болтать – остановиться оказалось даже труднее, чем начать. Что-то несла – про оставшиеся поленья, про долгую ночь, про мороз и про холод, про все, что видела вокруг и что проносилось перед внутренним взором; не умолкая ни на секунду, будто боялась, что стоит мне замолчать – и он исчезнет. Что тишина поглотит его, как поглощала перед этим меня.

– Ника.

Не знаю, от чего я дернулась сильнее – от этого имени, упавшего каплей, или от его касания. Тесла положил руку мне на плечо, и я сгорбилась еще больше, вжимаясь спиной в диван, словно попавший в ловушку зверек. И впервые с момента, как за нами захлопнулась дверь, действительно ощутила себя в ловушке. С ним.

Он отвел прядь волос с моего лица, заправляя за ухо. Все внутри меня вопило, умоляло отвернуться, но я продолжала сидеть, замерев, и смотрела в огонь, вздрагивая от сдерживаемого напряжения. Языки пламени расплывались – я расфокусировала зрение, и его силуэт тоже размылся, превратившись в черное пятно с редкими отблесками огня. Такое же, каким был и он в моей жизни.

– Ника, тебе нужно согреться. – Его ладонь жгла сквозь блузку. – Здесь есть горячая вода. Неизвестно, когда еще нам достанется такая роскошь.

– Мы тут пленники, – выдавила я. – Кто знает, чего хочет Алва.

– Чего бы он ни хотел, это не значит, что надо отказываться от предоставленных привилегий.

На ум пришли недавние мысли о подземельях. Огонь, ставший одной большой расплавленной кляксой, вздрагивал и менял формы, перетекая в жарком воздухе.

– Алва играет с нами. – От этого имени во рту становилось противно и вдоль позвоночника разливался холодок. – Сегодня поместил в номер люкс, а завтра вышвырнет на улицу.

– Зато мы снова станем свободны, – негромко возразил Тесла.

И все вернется на круги своя. Холод. Голод. Мы...

Его размытый профиль блестел, отражая пламя. Я все равно останусь в ловушке. И неважно, будут ли вокруг стены.

За окном падал снег.

Тесла протянул руку и коснулся моего подбородка. Снова, тем же жестом, что и всегда... *всегда*.

Это уже стало для меня *всегда*.

И вот тут наконец-то я рванулась прочь. Слишком резко – долго сдерживаемый порыв придал мне импульс, и я отшатнулась, будто в лицо плеснули кипятком.

Он ничего не сказал. Я чувствовала, как он на меня смот-

рит, ощущала всей кожей взгляд его огненных глаз. Но Тесла молчал. Молчал, когда я, все еще вздрагивая, повернулась обратно. Молчал, обнимая меня, прижимая к себе, к бархатистой пахнувшей мылом коже; молчал, когда мои губы несмело, будто не имея на то права, касались ее. Когда я смыкала ладони на его спине – там, где кожа давно не была бархатистой.

– Неважно, что снаружи. Важно то, что внутри.

Глава 5

Алебастр и вино

Мы пробыли в этой комнате сутки. За широким окном ничего не менялось – все так же сыпался снег, будто перья из разорванной подушки, подсвечивали белый пух лучи прожекторов. Небо было одинаково блеклым, серые сумерки, казалось, навсегда заняли место ночи и дня. Искусственный свет сглаживал и без того размытое время – солнце не торопилось вставать, обозначая себя лишь недолгим разрежением общего мрака, а прожекторы и вовсе нивелировали это различие. Полярная ночь – точнее, ее преддверие. Когда-то я читала о ней. Не думала, что увижу своими глазами.

Время размывалось, но хронометр продолжал его бесстрастно отсчитывать. Далеко за полночь, когда мы наконец отпустили друг друга, Тесла поднялся, чтобы докинуть в камин еще дровишек. Ненадолго скрылся в ванной. Я лежала, слушая плеск воды. Щеку колюче щекотала шкура. Встать не хотелось. Меня накрыла странная безразличная истома – не то от усталости, не то от голода, а может, от всего и сразу. Я наконец-то отогрелась после купания в заливе, внутри растаяли последние островки льда, и вместо них теперь по телу расплзался жар. Я вяло размышляла об этом, механически отмечая, как сжимается где-то в животе. Кажется, в последний раз мы ели еще на «Каролине», а потом был дол-

гий путь... Мысли о еде вызывали отвращение, но пить хотелось.

Я заставила себя сесть. Тесла вернулся в комнату, опустился на шкуру рядом.

– Тебе что-то нужно?

– Да ничего... Я сейчас.

Вдруг ясно представилось, как он обнимает меня – грязную, отвратительно мокрую, липкую от пота; как прикасается, пачкая руки... опять. Дверь в ванную хлопнула громче, чем мне бы хотелось.

Крохотная комнатка была наполнена паром. Запотели и зеркало, и блестящие краны, подернулась матовой пеленой отделка стен. Я забралась в белую чашу ванны. На бортике у стены стояла мисочка с мылом – желтоватая масса пахла сладким, а вместо крупинок золы в ней застыли кусочки каких-то листьев.

Листья оказались мелкими, но довольно колючими. Их края царапали кожу, пока я старательно намыливала каждый дюйм тела. Воду включать не хотелось – столько бесценной чистой жидкости может стечь в никуда, пока буду возиться. Лишь раз я повернула кран, чтобы сделать пару жадных глотков, и снова закрыла.

Обрывки листьев, сминаясь и разламываясь, распространили пряный аромат – незнакомый, но приятный. Когда я наконец смыла с себя пену, на коже остался легкий флер сладости. Чужой – но, кажется, именно это было мне нужно.

Выбравшись из-под жаркого душа, я долго стояла, склонившись, и хватала ртом струйку воды. Полотенце, естественно, валялось в комнате – и теперь я смотрела, как натекает под моими голыми ногами лужица. С волос капало. Я кое-как отжала мокрые пряди над раковиной и, помедлив, провела ладонью по зеркалу.

На запотевшем стекле очертилась широкая темная линия. Глаза – серые, будто выцветшие. *Зеркало души*, вдруг вспомнила я старинную поговорку. Если именно в глазах отражается душа, то мне как раз такие подходят – поблекшие, утратившие яркость. Обесцвеченные и невыразительные, молчаливые, как я сама. Потому что слишком много во мне того, для чего слова не придуманы.

Россыпь веснушек на переносице тоже поблекла. Как будто под душем я вместе с грязью стирала собственное лицо.

Рука дрогнула, снова касаясь зеркала. Медленно, дюйм за дюймом, убрала белесую влагу. Туманная пелена исчезала, обнажая черты. Кончик носа... скулы... рот.

Я глубоко вздохнула и уставилась в стекло. То, что глядело на меня оттуда, было чужим, таким же чужим, как непривычно сладкий запах моей кожи. Абсолютно чужим – но ужасающе реальным.

Я настолько отвыкла смотреть на себя в зеркала и любые отражающие поверхности, что почти забыла, как на самом деле выгляжу. Нет, выбросить полностью из головы сам факт своего уродства я не могла, но со временем заменила его об-

разом, реальную картину – выдуманной, и сейчас они никак не желали складываться. Безжалостная реальность и удобная фантазия сталкивались, наслаивались и распадались, а я заставляла себя смотреть. Глухо билось сердце, пальцы сжимали влажный край раковины.

Смотри... Смотри, потому что это то, что видит он, и, думаешь, ему проще? Думаешь, ему не больно? Тв-варь...

Пальцы сами сжались в кулак. Зеркало издевательски скалилось в ответ.

Разум сработал привычно, сдержав глупый порыв.

Нет. Нельзя. Оно ведь чужое. И оно ни при чем.

Я отвернулась. Уставилась на собственные ноги.

А это – мое, и значит, можно...

– Ника?..

Стук в дверь прозвучал, словно еще один удар сердца.

– Ника, все в порядке?

– Я...

Я закашлялась, прочищая горло. Все-таки сплюнула в мойку.

К черту. К черту все. Как-нибудь проживу...

– Выхожу.

Мы уснули на диване, прижавшись друг к другу. Камин

догорел и, как ни претило натягивать на себя просоленные шмотки, все же пришлось. К тому же сказалась привычка всегда быть готовым. Когда беда придет, она не даст нам времени одеться.

Беда пришла утром. В облике Алвы – холеного, вылощенного и весьма довольного собой.

– Выспались, гости дорогие? – распахнув дверь без стука, прищурился он. – На выход.

Возражать смысла не было. За спиной Волшебника, как обычно, маячила пара амбалов, поэтому мы, натянув ботинки, двинулись к двери.

Алва шутовски посторонился, широким жестом приглашая пройти. Я не без удовольствия отметила, что за внешним лоском проглядывают следы недавнего бедственного положения – пожелтевшие синяки странно не вязались с уложенными волосами и щегольским длиннополым жакетом. Я хмыкнула. Пижон. Пижон и трус – вон, опять охраной обложился, даром что под жакетом кобура виднеется. Боится в одиночку против безоружных, и кого боится – собственного брата!..

Словно угадав мои мысли, Алва поморщился. Впрочем, возможно, у меня просто на лице было написано все, что я о нем думаю. Или же он элементарно испытывал отвращение, глядя на *это*.

– Мы немного прогуляемся – хочу вам кое-что показать. – Самодовольства в его голосе хватило бы на пятерых. – Я

знаю, вы голодны, но не волнуйтесь, это не займет много времени. Потом сразу отправимся завтракать.

– Алва, что происходит?

Двойник, уже развернувшийся к нам спиной, резко крутанулся. Взметнулись полы жакета.

– Что происходит? – Взгляд Алвы сверлил моего спутника. – Изумительный вопрос! Вы почти две недели держали меня пленником на моем собственном ледоколе. И почему сейчас вас удивляет, что теперь *моя* очередь?

Непривычные устаревшие «недели» царапнули слух.

– Это была не наша идея, – заметил Тесла.

Алва шагнул к нему. Долгое мгновение смотрел в глаза.

– Ну конечно. – В негромком голосе двойника кристаллизовался лед. – И только поэтому вы сейчас здесь – а не там, куда мы направляемся.

Путь оказался коротким – мы прошли уже знакомыми коридорами, но по дороге свернули в какой-то червеобразный тупик, окончившийся лестницей. Ступени вели, против всех ожиданий, вверх – кажется, с одноэтажной базой я все-таки промахнулась.

Кованые металлические пролеты, впрочем, закончились быстро. Лестница уперлась в дверь, которую Алва небреж-

но толкнул плечом. Обернулся – и сказал, перекрывая волну шума из-за распахнутой створки:

– Добро пожаловать на арену.

Мы стояли высоко. Почти под самым потолком широкого круглого помещения, вытянутого, как труба. Оно сужалось кверху, напоминая градирню, – и от этого, а может, от духоты тесной огороженной площадки, меня замутило.

Я крепко вцепилась в поручни. Закрыла глаза. Алва дышал мне в затылок – даже не оборачиваясь, я чувствовала его присутствие, как чувствуется среди голой пустоши чей-то пристальный давящий взгляд.

Внизу бесновалась толпа. Несколько десятков человек, казалось, заполнили собой все свободное пространство. Мелькали полуголые тела, покрытые грязью, мускулистые руки... Мне казалось, я даже могу различить ногти на мозолистых пальцах.

Приспешники Алвы? Слуги, рабы, солдаты... Кем бы они ни были, их было слишком много.

Меня тошнило, но я заставляла себя смотреть. Лица сливались в одну сплошную массу. Не меньше пятидесяти. О все демоны ада... Бурлящая внизу толпа действительно вдруг обернулась скопищем демонов, чей повелитель – сам Дьявол

– сейчас стоял позади меня.

– Ну что же. – Его ладонь по-хозяйски легла рядом с моей, крепко обхватывая поручень. – Начнем.

Алва свистнул – внутри моего черепа будто лопнула натянутая струна, – и солдаты расступились, образовав коридор. В стене трубы, свободная от наслоений грязно-белых тел, открылась широкая дверь. И на арену шагнул Джи.

– Не смотри, – шепнул Тесла.

Его рука накрыла мою – жестом, до отвращения похожим на жест Алвы, который, однако, то ли не решился, то ли побрезговал сделать так же.

Я лишь качнула головой. Я могла закрыть глаза, могла заткнуть уши, но ничто в мире не способно было милостиво отключить мое осознание происходящего.

Они стояли по обе стороны от меня: один – сторожа, другой – оберегая. Даже с закрытыми глазами я могла отличить, где кто. По движениям. По касаниям или их отсутствию. По запаху...

– Я буду смотреть.

Мои пальцы сжали теплую ладонь Теслы. А там, внизу, в бесконечно далекой реальности, Джи поднял голову, глядя на нас – и улыбнулся.

– Пошли!

По хлопку рук Алвы мужчины ринулись на выродка. За долю секунды фигура с черными волосами, разметавшимися по плечам, исчезла под массой мельтешащих тел. Солдаты не

были вооружены, как и Джи, но Алва точно знал, что делал. Даже спиной я ощущала его самодовольство, его плохо прикрытое, еле сдерживаемое торжество. Торжество хищника.

Толпа вдруг взревела. Дальние ряды нахлынули на ближние, а те распались, теряя упорядоченность. В только что стройном ряду зазияли бреши; наступающие, лишившись равновесия, упали, увлекая за собой собратьев. Толпа превратилась в хаос, среди которого зыбким смазанным призраком мелькнул черноволосый силуэт.

– О черт...

Я даже не успела разглядеть Джи – настолько быстро он двигался. На «Каролине Квин» мне приходилось видеть, на что способен «дитя ночи», но только сейчас я поняла, что еще никогда он при мне не демонстрировал свои возможности в полную силу.

Люди падали один за другим, как игрушечные фигурки. Теснота арены играла на руку Джи: дальние не успевали добраться до него или прийти на помощь собратьям, а с ближними он разделялся играючи. В центре ристалища росла гора тел. Уцелевшие карабкались на нее, топча поверженных товарищей, пытаясь достать черноволосого призрака, – но это было все равно что ловить морок.

Спустя несколько минут в живых осталась половина солдат. Они отступили, будто бы в страхе. Но по самодовольной позе Алвы я чувствовала: это просто уловка. Все идет по плану.

Окруженный телами, живыми и мертвыми, Джи стоял в центре арены. На его лице все так же играла усмешка, но я видела: несмотря на показную легкость, сражение дается ему тяжело. Даже отсюда было заметно, что его обнаженный торс весь покрыт кровью, и не только чужой. Кровь струилась из многочисленных ссадин и ран; казалось, на коже не осталось живого места. Когда-то Джи сказал мне, что «дети ночи» быстрее залечивают раны, но за эту возможность тоже приходится платить – процесс отнимает силы. И сейчас, глядя, как нехотя сочится кровь, будто замерзая на ходу, я могла лишь представлять, каких усилий Джи это стоит.

Его прищуренные глаза быстро обводили арену. Сплошная чернота – ни проблеска, ни блика, словно белки вместе с радужкой залили битумом. Свет тонул в этих черных ому-тах, поглощаемый ими. Руки Джи были сжаты в кулаки, но он не занял боевую стойку – просто замер, выпрямившись, среди скопища тел.

– Вперед!

По окрику Алвы солдаты бросились на Джи. Хлестнули воздух черные волосы, взметнулся кулак – и волна обезумевших снова накрыла выродка.

Я зажмурилась – на секунду, но этого хватило, чтобы потерять его из виду окончательно. Едва перед глазами вспыхнула оранжевая пелена, по ушам с удвоенной силой ударили разом все звуки, будто компенсируя отсутствие видимого кошмара. Крики, короткие удары, страшные глухие шлепки,

с которыми врежется носок ботинка в плоть... Я распахнула глаза – и упало оглушающее безмолвие.

Мужчины отступили – те, кто еще мог. Десятки неподвижных тел остались лежать на арене, но среди них всех я видела только одно.

Светлокожий силуэт в грязных брюках. Когда-то светлокожий – теперь бледный торс целиком покрывала кровь. Длинные волосы разметались по земле.

– О бог-из-машины...

– Он ему не поможет, малышка, – донесся насмешливый голос Алвы. – Не думаю, что у таких, как это отродье, вообще есть небесные покровители.

Я сжала поручни. Джи не шевелился. Не моргая, я всматривалась в застывшую фигуру, словно вплавленную в грязь, – как будто в глиняную форму залили алебастр, но неосторожный скульптор опрокинул в чан со смесью бутылку вина. Но так же нельзя, так нельзя... Я читала об этом, о старой технологии отливки фигур, и знаю, что в раствор не должно попасть ничего лишнего, иначе получится плохо... да, получится плохо... Нет, так нельзя... так нельзя!

– Правда, малышка?

Хлопок ладоней разбил остекленевший воздух. Сдвинулись внизу одинаковые силуэты, сомкнулись в круг. Синхронно поднялись руки...

Безобразные татуировки... Хаотичные темные пятна, уродливые лица, языческое безумие во взглядах...

Алебастрово-винная фигура вздрогнула. И на мраморном лице распахнулись черные глаза.

Джи повернул голову. И за секунду до того, как опустились занесенные кулаки, он подмигнул.

Неизбывная привычка насмеяться над всем, даже над собственной смертью, – она не подвела черноволосого выродка и тут. Это было невозможно, дико, неуместно, и я не могла смеяться вместе с ним. Я не могла плакать. Я не могла даже закрыть глаза, пока их не заслонила теплая ладонь.

Во имя Его огня...

Этот голос шептал мне в уши. Грязный, гнилой голос, пропитанный похотью и тленом. Голос самой гибели, бессмысленной и безжалостной жестокости. Голос смерти.

Не знаю, сколько я так простояла. Когда Тесла убрал руку, арену покидали последние солдаты. Темные пятна все так же покрывали их тела, но это были просто разводы грязи. Я обернулась, но вместо Улуу позади стоял Алва.

– Не забыть бы, – хлестнул оплеухой голос двойника, – распорядиться поставить на один прибор меньше.

Приступ тошноты заставил навалиться на перила. Я сглотнула мерзкий ком, перегнувшись вниз. Перед глазами плясали цветные круги.

Тяжелая ладонь легла на плечо. И мне не нужно было ловить взглядом эти пальцы, чтобы даже через одежду ощутить *другое* – недоброе – касание.

– А теперь, – горячий шепот обдал волной, – пора пере-

кусить.

Глава 6

Россыпь стекла

С одноэтажной базой я точно промахнулась. Тошнота и резкая пульсирующая боль в висках мешали сосредоточиться, зрение то и дело туманилось, не давая запомнить маршрут, но мы определенно несколько раз проходили по лестницам. Тесла поддерживал меня, пока мы миновали бесчисленные коридоры, и это было не лишним – я до сих пор не могла прийти в себя. То, что сотворил Алва, было убийством, хладнокровным и расчетливым. Да, я не в первый раз сталкивалась со смертью. Но так...

Это бессмысленное истязание слишком напоминало сделанное шаманкой. И Улуу, и Алва могли просто убить пленников – но они предпочли показательно растерзать их. Волшебник мог пустить Джи пулю в затылок. Вместо этого он не пожалел несколько десятков своих людей, чтобы устроить кровавый спектакль.

Несколько десятков... Я споткнулась об очередную ступеньку, и Тесла вновь – в который раз – подхватил меня, не давая упасть.

Он ведь сказал мне. Еще на ледоколе Джи обмолвился, что «дитя ночи» по силе не уступает пятидесяти людям – разумеется, если все противники не вооружены. Когда-то был даже закон, регулирующий численность ночных отро-

дий именно в таком соотношении. Цивилизация канула в Лету, законы ушли в прошлое, но факт остался фактом. И Алва об этом узнал.

Двойник все слышал. Я видела тогда, как Алва внимал сказанному и как играла на его лице коварная ухмылка. Джи рассказывал не для него и вряд ли вообще заметил, что на палубе «Каролины» кроме нас и пары матросов присутствует кто-то еще. Но именно в тот момент Алву вывели на прогулку, давая возможность глотнуть свежего воздуха, и он, стоя за выступом палубной надстройки, затаив дыхание, вместо морозного ветра глотал такие важные слова.

Я ничего не сказала Джи тогда. Он не нравился мне – я даже не знала, кого предпочла бы видеть хозяином «Каролины»: бледнолицего выроodka или же все-таки того, кто так похож на Теслу...

Я ничего не сказала. И вот теперь Джи мертв. Мертв потому, что Алва точно знал, сколько солдат выставлять на арену.

Лестница окончилась, выведя в небольшой полукруглый холл с единственной дверью. Я взглянула на Алву, уверенным шагом пересекающего комнату. Полы темного жакета развевались как крылья.

Это не я проболталась тогда. Раньше говорили: слово не воробей. Джи неосторожно выпустил свою птицу, и Алва ухватил ее за хвост. Даже узнай выродок, что двойник услышал его откровения, что он мог бы изменить?

Волшебник остановился у двери. В последний раз хлоп-

нули «крылья», складываясь за спиной фалдами с тонким узором.

Слово – не воробей. Оно – орудие убийства.

Что Джи мог бы изменить?

Пожалуй, только прикончить Алву.

– Ну что же. – Тон двойника был почти радушным. – Я обещал вам завтрак. Надеюсь, он вас не разочарует. Прошу.

Створки двери распахнулись под толкнувшей их ладонью, и ослепительно белый свет залил холл.

Первые шаги пришлось делать почти вслепую. Когда глаза немного привыкли к режущему сиянию, сквозь щелочки век я сумела различить помещение неправильной формы. Казалось, эту странную комнату насильно всунули, раздвинув стены, куда-то прямо в середину здания – на это намекало отсутствие окон. Их заменяли многочисленные стеклянные шары, хаотично разбросанные по полу. В каждом таком шаре горела маленькая, но яркая лампочка. Еще несколько полых шаров стояли просто так – лампочек в них не было, и я сначала не поняла назначение этих «украшений», кроме затруднения передвижений по комнате. А потом, приглядевшись, заметила поблескивающую в них воду, а над ними – подвешенные на тоненьких нитях куски льда. С тех медленно капало. В прозрачных осколках темнели какие-то фигурки. Я приняла их за камни, но для кусочков породы они были чересчур ажурными. И лишь подойдя ближе, я поняла, что это застывшие во льду крохотные рыбки и насекомые.

Безупречно круглая форма ламп и подставок как будто сглаживала уродливую неправильность помещения, которое словно отгрызло куски у смежных комнат – то тут, то там выдавались углы, тут же переходившие в ниши и сменяющиеся новыми выступами и углублениями.

Посередине этой чудовищной залы высился стол – такой же неправильный, но без резких граней. Столешницу заменял плоский спил какого-то дерева совершенно невообразимой ширины. Обточенные края блестели лаком. Свет ламп переливался на них, и я снова зажмурилась. Глаза нестерпимо болели.

– Так вот вы какие, – раздалось в тишине, – наконец-то увижу поближе. Алва много о вас говорил.

Женский голос сопровождало мелодичное звяканье. Я заставила себя приоткрыть веки.

Из-за стола поднялась девушка – невысокая, наверное, даже чуть ниже меня. Темные волосы, свободно распущенные, ниспадали почти до талии, и короткое облегающее платье из какого-то плотного даже на вид материала было лишь чуть длиннее блестящих прядей. Прямой жесткий подол едва прикрывал верхнюю треть бедер. Широкий пояс с простой квадратной пряжкой выглядел издевкой.

– Тьяна. – Алва церемонно повел рукой в сторону девушки.

Меня словно обдало холодом – изнутри. Где-то в груди плеснула и разлилась ледяная волна, сердце глухо стукнуло,

сбиваясь, и замерло, чтобы через долгую секунду восстано-
вить уже привычный рваный ритм.

Тьяна...

– А ваши имена я знаю, – кивнул ата, – присаживайтесь.

Стулья, к счастью, оказались самыми обычными – ника-
ких изысков в виде спиленных пней. Тесла отодвинул один
стул для меня, и я опустилась на жесткое сиденье. Тьяна то-
же села, Алва занял место у вытянутого края столешницы,
между нами и ею. Тесла зачем-то помедлил, прежде чем при-
сесть рядом со мной. Двойник хмыкнул:

– Не растерял манер, а?

Тьяна стрельнула в моего спутника взглядом. Я исподло-
бья уставилась на нее. Веки жгло, словно опаленные солн-
цем, и это было странно: судя по всему, больше никто по-
добного не испытывал, несмотря на кошмарное освещение,
почти не оставляющее теней.

– Пожалуйста, угощайтесь. – Тьяна широким жестом об-
вела накрытый стол. – Второе подадут чуть позже.

На отполированном дереве в изобилии были расставлены
блюда со снедью. В других обстоятельствах у меня бы уже
текли слюни, но сейчас при виде румяных кусков мяса к гор-
лу поднялась тошнота.

Тесла сжал мою руку. Плеснул воды из графина в стакан.
Я обхватила граненое стекло ладонями.

– Можете разбить, если хочется. – Серые глаза Тьяны на-
смешливо следили за моими движениями.

– Вам многое известно. – Голос Теслы был холоден, как и его ответный взгляд. Я никогда не видела, чтобы он смотрел так.

– Я рассказал, – вместо Тьяны взял слово Алва, – у меня нет секретов от моей драгоценной.

Я рассматривала девушку. Та была красива – довольно правильное лицо с коротким аккуратным носом, пожалуй, лишь чуточку приплюснутым к кончику. Густые, но неширокие брови, выразительные глаза, низкий лоб. Маленькие губы облизнули вилку, узкая рука потянулась за соусником. На пальцах сверкали кольца с – наверное – бриллиантами. Такие же камни увешивали и точеную шейку девушки – много, очень много камней. Я не отличила бы бриллиант от куска стекла, но почему-то была уверена, что украшения настоящие. *Драгоценная. Да уж.*

Поразительно, но обилие браслетов и бус не портило девушку, придавая лишь легкий оттенок вульгарности. В «Крестах и бубликах» таких девиц было много. Они сверкали камнями, как мут – чешуей, и половина уж точно была сделана не из разбитого стакана. Но те девицы были нищими оборванками, а все их побрякушки не стоили и пары акумов: давно минули времена, когда ценились ограненные алмазы. И Тьяна выглядела по-настоящему дорого вовсе не из-за брюликов. На ее платье не было ни одной дыры, ни единой заплаты, ни завалящего кривого шва или разрыва. Удивительно, идеально целое. И абсолютно бессмысленное – не

способное ни защитить от солнца, ни обогреть в мороз.

А еще она была чистой. Я не видела на ее обнаженных руках и почти неприлично открытой груди ни одной металлической вставки. Она могла себе это позволить, могла разрешить такое – носить непрактичные, просто красивые вещи, не уродовать нежную кожу титаном и хромом. Вот в чем заключалось подлинное богатство сегодня – в возможности жить так, как жили люди до Гнева Господня...

– Вам понравилось представление?

Я даже не сразу поняла, о чем она говорит. Не захотела понять. Неужели это хрупкое существо называет кровавую баню на арене *представлением*? Неужели произошедшее *вообще можно так называть*?!

Алва усмехнулся, глядя на нас. Хозяйски положил ладонь на плечо Тяны – совсем как недавно на мое:

– Малышка тоже любит посмотреть, да, золотко?

Я дернулась, но рука Теслы неожиданно крепко удержала мое запястье.

– Нет. – Он качнул головой, проговорив короткое слово одними губами.

Тяна лучисто улыбалась, держа в руке бокал с красным вином. Мне стоило безумного труда не швырнуть в это скульптурное лицо стаканом. Она провоцировала нас намеренно, но Тесла прав: не нужно давать ей удовольствия насладиться нашим гневом. И уж тем более не нужно давать Алве повода нас пристрелить.

– Увы, все закончилось быстрее, чем я рассчитывала. – Тьяна капризно надула губки, подкладывая себе на тарелку каких-то листьев. – Тот парень оказался не так уж силен. А ведь мне его нахваливали... Правда, Волшебник?

Ее взгляд сверкнул. Алва расхохотался:

– Да уж, я не пожалел красок, расписывая возможности выродка!

– И разочаровал меня! – Девушка фыркнула.

Я слушала ее сквозь звон в ушах. Они превратили казнь в спектакль. Дегустировали кровь, как изысканное вино, скармливали Старухе с косою чужие жизни во времена, когда каждый человек бесценен. Так чем же они лучше нас? Чем они выше?

Я смотрела на Тьяну и видела, как сквозь изящные черты проступает уродливо-сморщенное рыло шаманки.

– Выпей. – Тесла подвинул ко мне наполненный стакан. Резко пахнуло спиртом.

Не глядя, я осушила емкость. Тьяна усмехнулась, но ключая усмешка тут же сменилась легкой улыбкой:

– Съешьте что-нибудь. Понимаю, в ваших кругах все давно привыкли пить не закусывая. – Взгляд на меня. – Но вот кое-кто... – Серые глаза уставились на Теслу. – Мог бы не забывать о приличиях.

Тесла спокойно налил себе еще. Звякнул о край стакана колотый лед, неприятно повторяя звон украшений Тьяны. Я смотрела, как двигаются его пальцы – легко, непринуж-

денно; как ловко орудуют щипцами для льда, аккуратно ставят на место хрустальный графинчик. Он был здесь своим – несмотря на истрепанную рубашку, на потертые брюки и совершенно не изящные гловы, которые почему-то не снял. И я вдруг поняла почему. Он не собирался принимать их игру – настолько, насколько это было возможно. Алва и его сучка могли силою усадить нас за стол, но они не были способны заставить меня и Теслу думать по-другому.

Тьяна аккуратно взяла из плетеной вазочки салфетку.

– А впрочем, – произнесла она, – не стоит. Мне не слишком хочется быть гостеприимной с теми, кто осуждает наши поступки.

– Мы не высказали ни слова осуждения. – Ладонь Теслы легла на запотевший стакан.

– Дая вижу это по вашим лицам, – процедила девушка.

– Золотко, успокойся... – лениво протянул Алва. – Возможно, наши гости действительно расстроены. Но это можно понять. Ведь мы же прикончили их приятеля.

Двойник ухмыльнулся, подцепляя с блюда длинную плоскую рыбешку. Тьяна прижала салфетку к губам, в упор глядя на меня. Белый тканевый квадратик оттенял ее порозовевшие щеки. Она возила салфеткой вверх-вниз, то словно пытаясь убрать ее, то резко возвращая обратно. Серые глаза сверлили мое лицо – злой, едкий взгляд, как липкая слизь, размазывался по коже, мерзкими комьями ложился вокруг рта, все гуще и гуще...

– Что вы за чудовища такие... – выдохнула я.

– Чудовища? – Тьяна бросила салфетку на стол. Пухлые губы изогнулись в презрительной усмешке. – *Мы?*

Ударение на последнем слове заставило меня каждой клеточкой ощутить всю непереносимость собственного уродства. Я сжала колени под столом так, что кости суставов больно впились друг в друга даже сквозь брюки.

– Ну хватит! – Алва ударил ладонью по столешнице. Жалобно дзынькнули тарелки. – Тьяна, драгоценная моя, мне с нашими гостями нужно поболтать. Наедине.

– О, я люблю разговоры! – Девушка хищно улыбнулась. – *Такие* разговоры.

– Прошу тебя, дорогая, уйди, – с нажимом произнес Алва. – Поверь, *это* не стоит видеть даже тебе.

Что-то в его голосе, кажется, заставило девицу подчиниться. Не прощаясь и ни на кого больше не глядя, она встала и вышла.

На оставленной салфетке расплывалось алое пятно.

Дождавшись, когда за Тьяной закроется дверь, двойник повернулся к нам.

– Я бы мог извиниться за поведение моего золотка – она порой перегибает палку. – Алва плеснул себе чего-то темного из фигурной бутылки. – Но не стану. Потому что Тьяна права. Вы нас осуждаете. И, между прочим, совершенно зря.

Осушив стакан, Волшебник продолжил:

– Башни. Все дело в них. Вы же столько усилий положили,

чтобы найти Уорденклифф-два, да и я, признаюсь, тоже. И чем меньше людей знает о башнях, тем лучше.

Людей. Я, конечно, не стала его поправлять. Я смотрела на один из стеклянных шаров, медленно наполняемый водой, но перед глазами стояла закрывающаяся за Тяной дверь – и силуэты охранников по ту сторону. У меня все еще была заточка. Разумеется, нас обыскали, но вряд ли кому-то могло прийти в голову, что металлическая заглушка импланта тоже способна стать оружием. Болваны. Хотя...

Мы не «дети ночи», чтобы в одиночку противостоять десяткам вооруженных противников. Впрочем, Джи это тоже не спасло.

– Так вот, – говорил между тем Алва, – сейчас об этом маленьком секрете знаем только мы. Прекрасно, не правда ли?

Он резко поднялся, и ножки стула с визгом проскребли по полу.

– И теперь... – Волшебник оперся ладонями о столешницу. – Пришло *наше* время поговорить о башнях.

В его правой руке что-то блеснуло – я уловила блик краем глаза, и внутри все перевернулось.

Алва держал мультитул. Невинный и даже удобный инструмент, за который в любом убежище многие охотно отдали бы десяток акумов. Но нас учили таким убивать. Наставница не пожалела времени, подробно объясняя, как использовать выкидное лезвие, отвертку, консервный ключ, штопор и другие приспособления, вплоть до миниатюрных нож-

ниц. Мультитулы ценились высоко – сделанные из нержавеющей стали, они прекрасно сохранялись и могли служить годами, поэтому каждая из воспитанниц должна была уметь обращаться с таким инструментом. Жаль, я так и не успела его раздобыть...

И сейчас, глядя в холодные золотые глаза Алвы, я понимала: он совсем не бутылку собирается вскрывать.

– Я задам вам вопрос. – Двойник медленно пошел вдоль стола, приближаясь. – Всего. Один. Вопрос. И он звучит очень просто: где третья башня?

Тесла вздрогнул. Дернулись плечи, обтянутые черной рубашкой, качнулся в ладони стакан.

– Почему... Почему ты считаешь, что башен три?

– Не надо меня дурачить. – Тон Алвы был негромким и вкрадчивым. – Слышал поговорку «И у стен есть уши»? Так вот, на моем корабле уши имеются у каждой переборки. Думали сохранить в тайне, что знаете? Просчитались.

Люди Росса. Это они выболтали Алве то, что Джи сообщил мне, в обмен на посулы лучшей жизни. Продали секрет гения за жратву и постель... И теперь двойник заполучит оба Уорденклиффа.

– Я не знаю, где она.

– Правда?

Мультитул поблескивал в сиянии многочисленных ламп. Казалось, пальцы Алвы отлиты из стали – инструмент сверкал в них, отражая блики стеклянных шаров.

– К счастью, у меня есть средство, улучшающее память.

Двойник остановился, с деланой задумчивостью глядя на нас.

– Ну что, может быть, ты мне подскажешь? Кто из вас окажется более полезным?

– Алва... – Голос Теслы едва уловимо звенел. – Делай со мной что угодно.

– Вот как? – Змеиное шипение вторило желтым глазам. – А зачем мне *ты*?

– Она ничего не знает. – Ровный тон сбился, но лишь на мгновение.

– Да, но знаешь ты. И очень быстро запоешь, когда я начну отрезать от нее кусок за куском.

Пальцы в окантовке черной изолянты сжали графин. Тесла смотрел прямо перед собой, на ровную полированную древесину столешницы, но я уже знала, что он прекрасно видит боковым зрением, как подходит к нам Алва. И его рука не дрожала. Ни на сотую долю дюйма не сместилась на фигурной стеклянной ручке, и чем ближе был двойник, тем больше белели костяшки, стирался с них вечный загар, но губы оставались плотно сжатыми. В его глазах отражался оплавленный лед. Тесла смотрел в одну точку, и я знала, что так ему будет проще. Проще взмахнуть рукой, отрывая тяжелый сосуд от стола, и обрушить его на голову Алвы. Своего двойника. Своего близнеца, пусть не брата...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.